

В МОЕМ ОМУТЕ
(катастрофа в одном действии)

Действующее лицо:

Кто-то из нас

Возможно, всё это когда-то было. Возможно, происходит прямо сейчас. Возможно, когда-то будет. А возможно, всё это - было, есть и останется навсегда.

В нас...

Ночь. Темнота. Тучи, заплевавшие своими рыхлыми телесами кривой лик луны. Лес. Деревья, протянувшие руки друг другу, как уродливые любовники. Тишина и пустота. То самое время и место, где человека по всем законам логики не должно быть. И все же – вот он. Стоит на коленях. Тяжело дышит. Зарывает руками свежерытую яму.

Но человек ли это?

...да, да, он самый. Кто-то из нас...

КТО-ТО ИЗ НАС (порезался, завизжал по-пороссячи, сунул грязную руку в рот, опомнился, принялся вытирать губы рукавом). **Стекла! Стекла! Эти стекла везде! Они повсюду! Они стали уже как камни! Господи! Господи! Зачем, ты их создал? Зачем, Господи?**

Замолчал. Пытается рассмотреть рану.

Будет заражение. Тут грязно. Никакой стерильности. Будет гангрена. Я умру. Меня накажет Бог. Он любит это делать... Нет... Нет! Он не может меня наказать. Я не виноват. Почему он должен меня наказывать? Я же ни в чем не виноват. Я же не хотел этого. Не хотел... ничего не хотел такого...

Молчание.

Мамочка... Мамочка... Мамочка! Как это страшно, мамочка. Я же никогда не рыл землю. Это так страшно. Я не знал, что это так страшно... Почему я? Почему я? Почему это случилось со мной? Зачем я должен пройти через это? Мамочка! Господи! Суки! Почему я?! (Стонет, смотрит на яму.) Зачем?.. Зачем?.. Я тебя не убивал. Ты сам. Ты сам. Ты сам это сделал. Зачем ты это сделал? Я его не убивал. Он сам. Я даже скорость не превышал. Он сам превысил... Ты сам! Понял?!

Молчание. Шепчет.

Я не мог его там оставить. Это был бы конец. Конец всему... Его бы нашли. Сразу же бы. И все. И все. У него на одежде краска от машины. Они бы сразу меня вычислили. Это просто. Это проще простого. И они бы посадили меня. Я бы ничего не доказал. Нет... ничего. Пешеходы всегда правы. Они всегда правы. Правы, правы, правы, пра-вы... Даже если они сами виноваты. Даже если они выскакивают перед носом машин. Они правы. Они всегда правы... Господи! За что? За что это?

Зарывает яму. Тихонько воет.

И в больницу его вести было уже поздно. Он умер. У него в голове была дыра. Такая большая дыра, как мышинная норка. Туда попала грязь. И камушки. И заражение...

Смотрит на свою порезанную руку, сует в рот, трет об воротник.

Он умер. Я знаю. Он не дышал. Совсем не дышал. И глаза... Глаза у него были открыты... И из них текла кровь. Как слезы текла, но кровь. И они блестели, как у мертвого. Он умер. Я знаю... Он же сам виноват вот и умер. А я то здесь при чем? Почему я должен отвечать

за его смерть? Это неправильно. Неправильно. У меня жена дома. У нее будет ребенок. Это все неправильно! Я не должен сидеть! У меня будущее... Большое будущее. Через полгода я поеду в Англию на стажировку. Я почти кандидат наук. Я могу принести пользу человечеству. И что? Что теперь? Я должен наплевать на все это из-за какого-то... какого-то!... какого? Он же бесполезен. Он бесполезен для общества. Ему тринадцать, а у него уже татуировка... Да, я видел – вот здесь, на руке, какие-то буквы. И клею от него пахло. Значит, он токсикоман... А я почти кандидат наук. У меня будущее. А что у него? Что?

Молчание.

Он прожил бы бессмысленную жизнь. Или даже вредную. Может быть он бы обокрал чью-нибудь квартиру, ограбил кого-нибудь. Или даже убил. Таких как он сотни! Нет, даже миллионы! Они как черви! Как глисты, как пиявки, как блохи, как комары. Они не приносят никакой пользы. Только вред. Один только вред. Они паразиты. Они нюхают клей. Колют себе наркотики. Курят травку. Они быдло, черви, опарыши. Им место в земле. Среди удобрений.

Пауза.

А у меня будущее. Я почти кандидат наук. Я почти гений. Я учился. Учился всю жизнь. Я учился, пока они шастали по помойкам. Я учился, пока они устраивали в подвалах пожары. Я учился, пока они били стекла из рогаток. Я никогда не общался с ними. Они не существовали для меня. Я учился, а они паразитировали. И что же? Что? Все зря?! Зря?!... Нет! Нет. Не бывать этому. Я не допущу, что бы из-за какого-то червяка моя жизнь была разрушена. Она дороже. Дороже. В сто миллионов раз... в миллиарды раз дороже. Слышишь, ты? Слышишь?!!!

Яростно засыпает яму.

Слышишь, сукин сын?! Сука! Ты мне не испортишь жизнь! Никогда! Никогда! Никогда!

Замолчал, тяжело дышит.

Я все правильно сделал. Все правильно. Я не мог отвезти его в больницу. Он умер. Уже умер. Сразу умер. Не мучился. Ему мышка прогрызла в голове дырку.

Истерически смеется.

Она надкусила ему мозг. Как сыр. Как кусочек сыра в мышеловке... Но в голове не может быть мышеловки. Там нет места для нее. Поэтому он умер. Ушел в мир иной. В лучший мир. А я его не убивал. Он сам. САМ... Может быть он хотел покончить с собой? Может быть ему надоело жить как червь? Или он хотел чего-то другого? Может быть он хотел изломать мою жизнь?

Подумал.

Ты этого хотел?... Этого?! Отвечай! Этого?! Ты хотел перечеркнуть мое будущее, да? Мое великое будущее? Ты хотел его сделать таким же как твое? Я понял твой план. Я тебя раскусил. Я же умный. Я же учился. Я же почти гений, дурачок!

Смеется.

Я понял, что ты задумал. Ты всегда мне завидовал. Все вы! Все такие, как ты. Вы всегда не могли понять, почему мы добиваемся всего, а вы остаетесь сидеть в помойной яме, куда родили вас ваши ничтожные матери. Хочешь, я объясню тебе, в чем дело? Хочешь, я объясню тебе, почему так происходит? Хочешь? Потому что мы люди, вы ничто. Вы грязь! Отвратительная мерзкая грязь. Вы гниль, которая разложила всю нашу планету. Вы плесень, покрывшая тела городов. А мы люди. Лю-ди! И не я один так считаю. Далеко не один. Нас тоже много. Недавно я ехал в электричке, и туда вошла толпа беженцев. Таджики или узбеки – нет разницы. Они были все грязные, вонючие и противные. И они подсели к одной женщине respectable вида. Знаешь такое слово, нет? И что же? Что же она сделала? Она встала и со словами: «Я не буду с ними сидеть» пересела в другое место... К людям. К нормальным людям. И никто даже не одарил её негодующим взглядом. Никто. Потому что другие сделали бы тоже самое. И вот, когда она пересела, я

вдруг задумался: почему она это сделала. Я долго глядел на неё. Потом на них – на узбеков. Или на таджиков. Я глядел на них и не мог понять: чем же они отличаются. Вроде те же лица, те же волосы, те же руки, те же ноги, те же глаза. А потом я увидел шляпку у женщины на голове. Она была такая зелененькая, чистенькая, ровненькая, хорошенькая. И я подумал: «Может быть все дело в шляпке?» Смешно, правда? Но я так подумал. Почему-то. Не знаю сам.

Молчание.

А может быть и правда, все дело именно в шляпке? Почему эта бедная женщина должна рисковать своей шляпкой? У этих узбеков. Или таджиков. У них были с собой дети. Они могли задеть ее шляпку своими грязными, заразными руками. Они же там, в чуркестане, никогда не видели ни одной шляпки. Они могли задеть её ради любопытства. Чтобы проверить – из чего она сделана... Или специально. Чтобы измять, изломать, измазать эту чудную восхитительную шляпку. От зависти. Потому что у них никогда не будет такой. Они умрут, не поносив ни одной единственной шляпки. Умрут в своих грязных, засаленных тюбетейках. Это же так просто. Так просто. Так просто. Просто...

Разглядывает порез на руки.

Если у меня загноится рана – это будет несправедливо. Я не убивал его. Я только закопал. Потому что другого выхода не было. Я не мог вызвать ГАИ. Они бы сказали, что это я виноват. К тому же у меня запах. Я выпил немного вина. Самую малость... Но я не убивал его. Я не мог ничего сделать. Все случилось так быстро. Он сам виноват. Это его вина... Он хотел все испортить. Он хотел испортить! Он хотел испортить мне шляпку! Он хотел измять её, изломать, измазать. Mamochka! Почему он выбрал меня?! Зачем?! Господи! Я же учился! У меня будущее! А он ничто! Он грязь! Ему место в земле! Mamochka! Mamochka! Ну почему?! Mamochka!

Заплакал. Пополз на четвереньках в сторону. Стукнулся головой о дерево. Упал на бок. Шепчет.

Я же учился. Я же почти кандидат. Я же никого никогда не убивал. Только ее... ее... собаку. Но это было давно. Очень давно. И она сама виновата. Она меня заставила. Заставила... Она мешала мне учить отрывок из «Мцыри». Я мог получить из-за неё двойку. Я старался запомнить, а она мне мешала. Выла и выла. Выла и выла. Она жила прямо под нашими окнами, и я не мог сосредоточиться из-за неё. Я закрывал уши руками, но ничего не помогало. А она выла и выла, выла и выла, как бешеная. Потом я подумал, что получу двойку и мне стало страшно... И тогда я вышел на улицу и позвал её. Она подбежала ко мне, виляя хвостом. Она почему-то всех любила. Жалкая дворняжка. Ничтожная беспородная тварь. Я взял её на руки, и она обрадовалась, что хоть кто-то уделил её персоне внимание. Она дрожала и повизгивала от удовольствия. И я почему-то подумал, что должно быть также повизгивала Му-Му, когда Герасим готовился её...

Смеется.

Потом я занес её в подъезд и засунул за пружину, которая закрывает дверь. Так, чтобы пружина прижала её шею. Она сразу перестала радоваться и высунула язык. Я почти увидел, как её глаза наполняются слезами. Смешно? Смешно?

Пауза.

Господи, почему она не умерла сразу?! Почему, когда я ушел домой, она выбралась из удавки и снова принялась вить? Почему?

Молчит.

На этот раз я не стал терпеть. Я снова позвал её. И она снова подошла, все так же... Господи, зачем ты создаешь эти глупые, наивные, ничтожные, бесполезные существа?... все так же махая своим отвратительным хвостом. Возле нашего дома была куча песка, в которой играли дети. Я схватил собаку и понес к этой куче. Она облизывала мне лицо, руки, шею. И даже, когда я закапывал её в песок, она продолжала прикасаться своим

языком к моим пальцам. Это было так мерзко, так невыносимо. Зачем она это делала? Зачем? Как это глупо. Как это бессмысленно. Я же все равно зарыл её. Все равно зарыл. Её ничего не могло спасти. Я зарыл её и сел на могилу, чтобы она не могла выбраться. Взял и зарыл.

Молчание.

Но она не умерла – какие они живучие, эти твари. Как только я поднялся с кучи песка, то увидел, то увидел, как она пытается вылезти наружу. Мне стало страшно. Я испугался увидеть её глаза, наполненные слезами вперемешку с песком. И тогда я схватил валяющийся неподалеку старый шампур от электрошашлычницы и ткнул им в песок. Под острием что-то хрустнуло, взвизгнуло. И все... Она перестала шевелиться. Она перестала пытаться выбраться наружу. А мне перестало быть страшно, что она может взглянуть на меня своими, засыпанными песком глазами. Но главное она перестала выть. И мешать мне. Навсегда.

Поднялся. Засыпает яму ногами.

Я тогда все-таки выучил «Мцыри». И сдал его... На пятерку. Меня ничего не остановило. Понял? Ничего. И ты меня не остановишь. У меня будущее. Большое, великое, светлое будущее. А у тебя впереди ничего не было. Ничего. Только тюрьма. И бессмысленная ничтожная жизнь. Твоя смерть ничего не изменила в порядке мира. Абсолютно ничего. Как будто тебя и не было вовсе. Почему же я должен страдать от этого? Я не должен. Не должен. Понял? Понял?! Не должен! Не должен!

Встал на колени. Заплакал.

Сволочь! Подонок! Зачем ты влез в мою жизнь?! Ублюдок! Зачем?! Я не звал тебя! Я не просил! Ты сам! Все вы такие! Вы все лезете в наши жизни! Зачем? Зачем? Господи, почему они существуют? Они же черви. От них же один только вред. Им место в земле. В аду. А здесь на земле должны жить только мы. Мы! Мы чистые. Мы талантливые. Мы умные. Мы образованные.

Пауза.

Нужно изменить закон. Нужно сделать так, чтобы их можно было убивать. И чтобы за это ничего не делали. Я бы каждый день убивал их несколько штук. Они же отбросы общества. Им нельзя жить. Господи! Mamochka! Mamochka! Mamochka! Mamochka!

Затих. Всхлипывает.

Почему я называю мать – мамочкой? Я же всегда говорил ей только: ма. Она же не любила меня. Потому что я ненавидел её. Её, отца и мою сестру. Они были быдлом. Я не из их мира. Мать была необразованной техничкой, и я ненавидел её за это. Отец был слесарем и я презирал его. Сестра водила домой мужиков, и каждую ночь из её комнаты я мог слышать страшные бесстыдные звуки. Я ненавижу их! Я ненавижу их всех! За то, что она матеряется. За то, что не читают Достоевского и Набокова. За то, что они даже не слышали про Шекспира, которого я знал с третьего класса. Я ненавижу их за все! Даже за то, что лапшу они едят ложками. Я ненавижу их! Ненавижу!

Молчание.

Господи, как, наверное, они бы были счастливы, узнав, что я попал в тюрьму. Они всегда считали, что я много из себя строю. Что я только пытаюсь быть не таким, как они, а на самом деле такой же: ничтожный и бездарный. А я не такой. Не такой. Я почти кандидат наук. У меня стажировка в Англии. В самой Англии. Им никогда не увидеть Лондона. Они всю жизнь будут сидеть в своей норе, в своей клетке, в своей «хрущевке». А я увижу! Увижу! Я покорю Лондон! Я покорю весь мир! У меня талант. У меня будущее! У меня все впереди! Впереди! А у них там ничего. Пустота. Могила. Смерть. Лапша ложками. Скандалы. Дешевые гробы. А у меня будущее...

Пауза.

Боже, как бы они обрадовались, узнав, что я сел в тюрьму. Они бы прямо ликовали, что я упал на их уровень. В их темный бессмысленный мир. На их жалкую планету. Но не бывать этому. Не бывать. Слышите, вы? Слышите?! Суки! Гады! Твари! Слышите?! Не бывать?!

Остервенело засыпает яму.

Вот вам! Вот! Вот! Вот!

Остановился. Смотрит на могилу дикими сверкающими глазами.

Шепотом.

Это они послали тебя? Они? Они? Это они решили растоптать мою жизнь? Они? Они тебя послали? Они? Они тебе заплатили? Сколько?

Кричит.

Отвечай! Это их рук дело?! Отвечай! Их?! Их?!... Я знаю – их. Они никогда не смирятся с тем, что я так высоко взлетел. С тем, что я поднялся на вершину мира, а они остались в подвале. В канализации. Ниже уровня канализации. Они всегда ненавидели меня. Они только делали вид, что любят, а сами ненавидели. Они любили только эту грязную проститутку Соньку, которая водила к себе толпы мужиков и кричала за стеной, когда я читал Солженицына с фонариком под одеялом. Они любили только её. Только её. Я для них не существовал. А за что? За что они её любили? За то, что она написалась и дралась с ними, да? За что? За что? За что, Господи, они её любили?

Заплакал.

Почему они не любили меня? Я же был умный, спокойный. Я же учился. А они только говорили, что в тихом омуте черти водятся. Это нечестно. Это нечестно! Так не должно быть! Это несправедливо. Я же учился, а они говорили, что во мне черти. А во мне не было чертей. А они говорили. Они думали, что однажды я что-то такое сделаю, за что меня посадят в тюрьму. Но я не сделал. Не сделал. Я стал ученым. У меня появилось будущее. А Сонька вышла замуж за однорукого. И они любят этого инвалида-алкоголика больше, чем мою жену, у которой образование и интеллигентные родители. Почему так? Почему так?! Почему так?!!

Прислонился спиной к дереву. Сжал кулаки.

Как это страшно, когда у тебя будущее. Всегда приходится думать о нем. Бояться за него. Спасать его. Даже нельзя умереть. А вот таким как этот можно – у них нет будущего. Они могут спокойно сесть в тюрьму или попасть под машину. Так устроена жизнь. И это правильно. Потому что человек должен стремиться к цели. К прекрасному. Он должен быть прекрасен во всем. В человеке все должно быть прекрасно, чтобы его можно было считать человеком. Все. Абсолютно все. Даже одежда. Да, да, это немаловажно. Я знаю. Знаю на собственном опыте. Когда-то, когда я еще учился в школе, учительница попросила подтянуть одного одноклассника. Он был из малоимущей семьи и носил старую школьную форму, в которую его мать вшивала всевозможные клинья, чтобы увеличить размер. За это его все не любили. И еще за то, что звали его Иваном. Я тоже призираю его, но не смог отказать учительнице, потому что... потому что... потому что не мог. Мне не позволял мой статус. И мне пришлось привести этого Ивана к себе домой, посадить на свой стул, дать свои тетради. Мне пришлось... Кроме того, выяснилось, что от него несет потом и мочой. Господи, этот запах до сих пор преследует меня. Это запах быдла. Запах ничтожества. И мне грозило терпеть этот запах целый месяц. Но я... я не согласился терпеть. И что я сделал?... Фокус. Обыкновенный фокус покус. Я же умный. Я же почти гений. Я же всегда им был. И я показал фокус. Я украл у матери деньги и свалил все на этого Ваню. Был грандиозный скандал. Она пошла в школу. Прямоком к директору. Участвовала даже милиция, но уголовного дела не возбудили, потому что на момент совершения правонарушения Ване не было четырнадцати лет. Его просто поставили на учет и отчислили из школы. Но самое интересное в этой истории, что он во всем сознался. Даже публично просил прощения перед моей мамашей. Вот это я называю врожденным

ничтожеством. Ему было плевать на свое будущее. Да и не было его у него. Через неделю он повесился из-за этого случая с деньгами... А деньги? Что деньги? Я же не вор... Нет, я не положил их на место. Этого нельзя было делать. Я купил себе на них собрание сочинений Чехова, где прочитал истину, которую знал с самого рождения. А именно, что в человеке все должно быть прекрасно: и костюм, и мысли. А вонять потом и мочой могут только ничтожества без будущего. Или козлы. Ничтожества или козлы. А ты, Ваня? Ты кем был? Ничтожеством или козлом?

Молчит. Смотрит на могилу.

Ты был и тем и другим, Ваня. И тем и другим.

Улыбается дрожащими губами.

Утаптывает могилу.

Ты был и тем и другим, Ваня. И тем и другим. И тем и другим. И тем и другим. И тем и другим. И тем и другим...

Вдруг отпрыгнул в сторону.

Что?... Что это?... Он живой! Он шевелится! Он пытается выбраться! Он лезет наружу. Он живой. Он тянется к свету. К луне. Он живой... Нет, он умер. Он умер. Умер. У него была дырка в голове. Я знаю. Я видел. Все видели. Он не может шевелиться. Он даже не дышал. Он умер. Умер. Его больше нет. Его нет. Его не было. Не было никогда. Мне все приснилось. Это сон. Сон. Кошмар. Я видел его во сне. Я все еще сплю. Сплю. Я сейчас проснусь и ничего не будет. Это сон. Сон. Сон.

Молчание.

Опять! Опять! Боже мой, опять! Он шевелится! Он лезет! Он пытается выбраться! Зачем он пытается выбраться?! У него же глаза в песке! Они же засыпаны песком! Они же в слезах! Зачем он лезет?! Я же его не просил! Там же хорошо! Там же его мир! Там такие как он! Ему нельзя здесь! Здесь я! Здесь мое будущее! Здесь я! Не лезь! Не лезь! Прошу тебя! Оставайся там! Зачем ты лезешь?! У меня будущее! Оставь в покое мое будущее!

Попятился. Ударился спиной о дерево. Уронил лом, которым рыл яму. Поднял его. Угрожающе держит перед собой.

Не лезь. Оставайся там. Зачем ты лезешь? У меня будущее. У меня шляпка. Зелененькая шляпка. А у тебя глаза в песке. Не лезь. Не лезь. Будь там. Там тепло. Там хорошо. Оставайся там. Там, там, там, там, там...

Вдруг со всей силы всадил лом в могилу. Смотрит на него. Дрожит.

Я тебя предупреждал. Ты сам виноват. Тебе не нужно было пытаться выбраться. Ты должен был сидеть там. А ты захотел все испортить. Ты сам виноват. Сам. Я тебя не убивал. Ты был уже мертвый. У тебя в голове была мышьяная норка. А в ней мышка. Она отклала там яйца. Противные тараканьи личинки. И вскоре должны были вылупиться тараканомыши. Страшные престрашные тараканомыши. Но теперь туда влезут черви и съедят яйца. Сделают себе омет. И не будет тараканомышей. Я их убил. Теперь они на сожрут мое будущее. Мое светлое, великое, лучезарное будущее. Я не циник. Это просто закон природы. Человек человеку – волк. А не брат. Это страшно неправильно, но это – так. И мы ничего не можем изменить. Все останется именно так. Человек человеку – тараканомышь.

Смеется.

Это закон природы. А мы не властны над законами природы. Они всемогущи. Потому что природа это – мы. И все законы в нас. Какими бы они ни были. Человек человеку – волк. Человек человеку – тараканомышь. Так было, есть и останется навсегда. В нас...

Медленно опустился на землю. Лег на бок рядом с могилкой. Зажал руки между бедрами. Смотрит в одну точку. Долго молчит. Потом в его глазах появляются слезы.

Ваня... Ваня... Ваня... У тебя наверное была мама... Она наверное тебя любила. Очень, очень сильно... А у меня не было мамы. То есть была. Но она меня не любила.... Потому

что во мне черти. Много страшных черных чертей. Они в моем омуте. Там. Они там. В моем омуте. В моем сердце. И потому мама меня не любила. А тебя любила? Любила?

Пауза.

Знаю – любила. Потому что в тебе нет чертей. Черных, черных, черных чертей. Они все во мне. В моем омуте. А почему они там? Зачем? Я их не просил. Они сами. Что они там делают? Живут? Построили там дома? Или вырыли норы? Что они там делают? Размножаются? Плодятся? Это страшно, Ваня. Когда в тебе черти это – страшно. Но почему они выбрали меня? Почему? Может быть они живут во всех у кого есть зелененькие шляпки? Красивые, ровные, стройные, противные зелененькие шляпки. Зачем они... эти шляпки? Зачем? Лучше бы их не было... И чертей. И тогда бы мама меня любила. Как твоя тебя, Ваня. Как твоя тебя. Нет. Нет. Нет. Она меня и так любила. Вместе с Сонькой. Просто я не видел этого. Потому что был в моем омуте. Вместе с чертями. Я помогал им плодиться. И они плодились, Ваня. Быстро. Страшно. Как насекомые. А потом они перестали там помещаться и стали лезть наружу. Стали бегать по земле и кусать людей. Делать людям больно. И их уже не остановить, Ваня. Они страшные. Они кровожадные. Они безумные. Я их видел. Как это страшно. Как страшно. Почему они во мне? Почему они выбрали именно меня? Почему я должен жить с ними? Я не хочу, Ваня. У меня нет будущего. Мое будущее принадлежит им. Я им сам его отдал. Мог бы не отдавать, но отдал. И теперь оно в их руках. Вся моя жизнь в их руках. Почему так, Ваня? Это болезнь? Это проклятие?

Пауза.

Нет, это закон природы, Ваня. Самый ужасный из всех законов природы.

Молчание.

А мама меня все-таки любила. Любила – я знаю. Больше всего на свете. И я ее любил. Больше всего на свете. И в детстве по ночам я всегда боялся, что она умрет. Особенно после того, как во сне умерла завуч нашей школы. Я боялся и плакал. И комната, в которой я спал, начинала пульсировать и сужаться. Сужаться в маленький спичечный коробок. И я сидел в этом коробке и плакал. Это было единственное место в моем омуте, где не было чертей. Там было чисто и невинно. И никогда им не найти дорогу в тот спичечный коробок. Никогда. Никогда...

Замолчал. Съежился в комок, как младенец в утробе матери.

Я не могу так больше, Ваня! Не могу! Помоги мне! Спаси меня! Я не могу так! Спаси меня, Ваня! Спаси меня, мама! Спасите меня! Спасите! Спасите! Спасите...

1999 год

Нижний Тагил